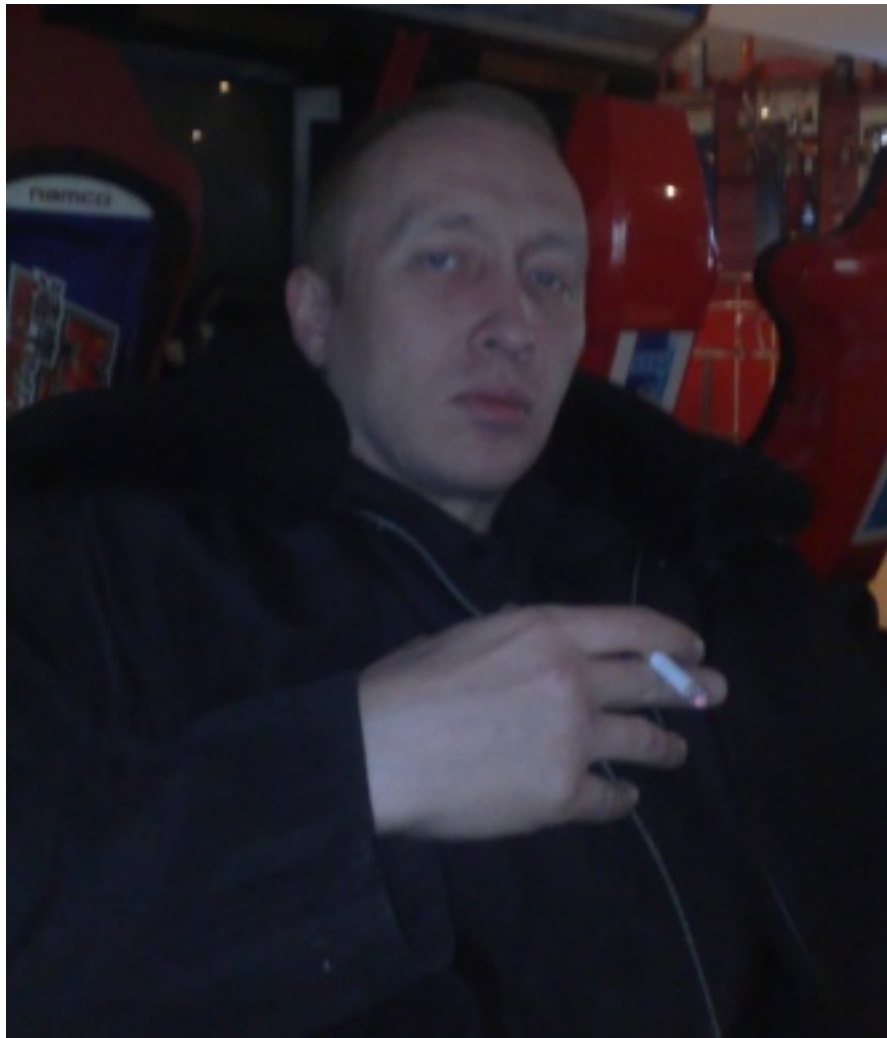

Живет в Алматы (Казахстан).

Любовь и сигареты

Любовь и сигареты
на смятой простыне,
цветок, лучом согретый,
на стене.

И дымное молчанье
висит у потолка,
касаются плечами
слегка.

Глаза почти закрыты
от чисел и имен,

от городского ритма,
от имен.

Минута в синем дыме
застыла, стала им
покровом над двоими,
что был нераздвоим.

Ручной огонь их теплил,
тень слизывал с лица,
и, обрастая пеплом,
мерцал,

как звезды этой встречи
в ослабленных руках,
и, вновь, касались плечи
слегка.

С дыханием спокойным
часы у сна крадут.
Они как два изгоя
на плоту,

укрытом мятой тканью,
теплом блаженных тел,
со сбившимся дыханьем
в темноте.

Он покидает разом
и тот и этот свет,
имея лишь запасы
любви и сигарет.

Красный клетчатый шарф

Красный клетчатый шарф по плечам разметался.
Посмотри - за окном одинокая степь.
Нам сойти на перроны заснеженных станций,
за стеной расстояний собой овладеть.

В желтый свет фонарей, в суету пешеходов,
кануть парой снежинок в мирскую метель.
С высоты ожиданий сойти, с небосвода.
Ты, отныне, собой безраздельно владей.

Постоять перед новым, бесстрастным и дальним.

Может бросит на холоде в трепетный жар,
когда, мельком, увижу в толкучке вокзальной,
вдруг, такой же, как твой, красный клетчатый шарф.

Необратимость

Есть за окном деревья,
лучей мосты.
Разве мы постарели,
чтобы остыть.

Есть за морями горы,
в горах - печаль.
С прошлым переговоры
не исключай.

Есть ледяная пропасть,
где тает крик.
Жизни нескладной пропись -
не черновик.

Есть снегопадов танцы
в парче небес.
И от кольца на пальце
почти рубец.

Есть в предвесенье нежном
манок блесны.
Все ли, теперь, надежды
обречены?

Есть раскаленный сумрак
в родной степи.
Только моим посулам
не уступи.

Есть спящий дом, в котором
окно горит.
Знаю - начав повторно,
все повторим.

Есть еще дождь осенний
в объятьях луж.
Есть несчастливые семьи,
и я, твой муж.

